

**Сайт писателя в постгутенберговскую эпоху:
аналог творческой мастерской**
(На материале авторского проекта Петра Киле
«Эпоха Возрождения», genclassic.ru)*

М.А. Бологова
НОВОСИБИРСК

Статья первая

В статье анализируются коммуникативные стратегии и структура сайта писателя в целом, общие творческие принципы, эстетические воззрения и околохудожественный дискурс, а также проблема национальной самоидентификации, имеющая значение для него.

А дела творческие – лучше некуда,
даже в детских мечтах о великой жизни
ничего подобного не могло пригрезиться.

П.А. Киле

Петр Александрович Киле – достаточно странная и неоднозначная фигура в литературной жизни России последней трети XX – первых десятилетий XXI века. Рожденный в 1936 году, в литературу он вошел в конце 60-х как незамеченный поэт, а в 1970-м как замеченный критикой прозаик. В советское время у него вышло несколько авторских сборников малой прозы: «Идти вечно» (Новосибирск, 1972, серия «Молодая проза Сибири»); «Свойства души» (Москва, «Современник», 1979), «Весенний август» («Современник», 1981), «Под небом единым» («Лениздат», 1987), «Чудесный вариант судьбы» («Современник», 1989). В последующие годы на волне юбилейных торжеств

Статья подготовлена в рамках проекта «Современная русская литература в Интернете: механизмы преемственности и особенности бытования» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

в Санкт-Петербурге в 2002 году («Летний сад») вышла еще одна книга, «Утро дней. Сцены из истории Санкт-Петербурга», которая числится в рубриках «краеведение», «мемуары», хотя содержит пять пьес: трагедии и комедии в стихах на сюжеты из жизни Петра I, Александра Пушкина, Валентина Серова, Александра Блока, Анны Керн. Книга не вызвала особого резонанса, получив лишь один отрицательный отзыв в Санкт-Петербургских ведомостях (19 февраля 2003 года)¹ автора, сведений о литературно-критической деятельности которого найти в Интернете не удалось. Также Киле – автор двух печатных журнальных публикаций: в «Неве» (2003) и «Мире Севера» (2005). Этим количеством бумажных изданий коммерчески неуспешного писателя исчерпывается (так что читатели его прежних вещей вводят в поисковые запросы дату его смерти), но любопытному читателю открываются виртуальные публикации, во всем их разнообразии и многообразии, а записи в своем дневнике Петр Киле делает если не ежедневно, то еженедельно точно². Перед нами достаточно типичный для современной словесности вариант, когда не публикуемый (в лихую годину) автор «одной книги» или «больше не пишущий» на самом деле работает очень интенсивно и плодотворно, но вся его деятельность протекает в виртуальном пространстве. Другой пример такого автора – Дмитрий Галковский, чья известность в виртуальном и читательском мире, понятно, не сопоставима с известностью Петра Киле, но стратегия творческого поведения та же – уход в сетевое пространство и обретение там своего (по)читателя. Если фанаты Галковского ловят каждое слово мэтра и оставляют сотни комментариев к каждому посту в ЖЖ, то Петр Киле жалуется на отсутствие «собеседника», хотя все же имеет свой круг из нескольких десятков постоянных читателей, и несколько сотен просмотров своих страниц в день случайных посетителей через поисковые системы сети, что совершенно несопоставимо с судьбой книг, списанных из библиотек или лежащих в пыли хранилищ, где «их никто не брал и не берет».

Если Галковский – это непримиримая оппозиция ко всем и всему, в первую очередь обласканному властями и широкой публикой и принятому как норма, что и обусловило его уход и выход в сетевое пространство, то ситуация Петра Киле иная, хотя конформизмом он тоже не отличается. «Петербургский» («ленинградский») по самоопределению писатель вошел в литературу как писатель нанайский. Именно в этом качестве его издавали тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров (книга 2002 года – 700 экземпляров). Это четко указывалось в аннотациях («в настоящий сборник нанайского писателя...») или даже на обложке был изображен юноша с монголоидными чертами лица как герой (сборник 1987 года), это же определяло содержание части литера-

¹ EVXpress. Шульц М. Тиражи и миражи. Юбилейный катарсис // Санкт-петербургские ведомости. 2003. № 32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/4712043>. Ресурс более недоступен для бесплатного ознакомления. Дата обращения – 18.04.12.

² Дневник ФТМ_Бродячая собака. Профиль пользователя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/2800855/profile/> Дата обращения – 18.04.12.

турно-критических статей, и это же явилось причиной полной утраты издательского интереса к нему в 1990-е годы, как это произошло со всеми остальными писателями национальных литератур России в центральных издательствах. Достаточно любопытна в этой связи книга 2004 года «Нанайская литература», составленная группой В. Огрызко: творчество Петра Киле в ней также ограничивается 1980-ми годами, как будто он перестал существовать, хотя вопрос о современном состоянии нанайской литературы вполне острый и животрепещущий, как и для других литератур малых народов. Причина одна – в отличие от Г. Ходжера, П. Киле считает себя русским писателем, а русский народ – суперэтносом по Л. Гумилеву, вобравшим в себя прочие народы России. Вся его литературная деятельность после 1990 года посвящена идее русского Ренессанса, Возрождения в России, начавшегося с Петровской эпохи, длившегося золотой и серебряный века русской литературы и всю советскую эпоху. О судьбе и взглядах П. Киле последних двадцати двух лет просто умолчали. Однако нужна ли такая конфронтация в исследованиях по русской литературе и литературе народов России? Особенно если мы признаем, что многие национальные литературы в большой степени русскоязычны (как бы ни был печален этот факт для сохранения национального языка), становились и развивались под воздействием русской литературы и культуры? Оставим за автором право на самоопределение, но зададимся вопросом: только ли этнографизм и изображение откровенно инокультурного сознания определяет статус национальной литературы? Является ли этнографизм неперменной чертой русской, французской или английской литературы? А если нет, то теряют ли они свой статус русской или английской? Почему нельзя подобным образом относиться к русскоязычной нанайской литературе и исследовать, в какой форме существует она сейчас в виде творчества Петра Киле, который 23 года благополучно пробыв писателем нанайским и 23 года не очень благополучно существует как «не нанайский» писатель? Руководствуясь этими мыслями, исследуем творчество Петра Киле как феномен, не задаваясь априори проблемой его национального статуса, но задаваясь вопросом о причинах отказа от него. Кроме того, позиция эта у писателя более демонстративная, чем реальная – и в современной пьесе появляется герой-нанаец, и к предшествующим текстам есть ряд самоотсылок. Этническое, национальное может прослеживаться также в особом менталитете писателя в эпоху глобализации. Состоявшийся факт, что нанайцы в пределах России обрусели, а те, кто остался в Китае – окитаились (хотя преподавание в младшей школе ведется на родном языке, поддерживается культура национального костюма и танца), и им сложно понимать друг друга в силу новых культурных различий. Подобное происходит со всеми малочисленными народами в любой части света. Тем интереснее исследовать не только этнографическую составляющую культур, ставшую достоянием истории, но и то, что уцелело, трансформировалось, развилось, имеет перспективу.

Самоопределение Петра Киле, выстраивание им самим собственного образа как писателя и человека вообще парадоксально, необычно, неожиданно мотивировано и лакунарно одновременно. Так, только в энциклопедических справках можно встретить упоминание о том, что он кандидат философских наук. Сам об этом он никогда не говорит, но неоднократно подчеркивает, что

получил «свободный диплом» с записью «поэт», и это составляет предмет его особой гордости. Из его реплик следует и то, что работал он в основном почтальоном – это «прогулки» по городу, дававшие время и свободу для мысли писать. Или другая деталь – окончил философский факультет Петр Киле в 1966 году, но поступил туда «после окончания средней школы», возникают «потерянные» 7–8 лет. (3–4 года потеряны во время войны, 7 классов Киле закончил только в 1952 году вместо 1948/1949, то же произошло с Г. Ходжером; из дневниковых записей можно узнать, что в выпускном классе он учился дважды, а затем были еще два года химического факультета, и не сразу приняли на философский, вменив в вину два «бегства» – из пединститута и химического, – тогда все «сходится»). В Петербург Петр Киле приехал подростком в интернат и в воспоминаниях о молодых годах постоянный рефрен «меня тянуло на родину» и поездки туда, но вдруг наступило время избегать покидания Ленинграда и посещения родных мест. (Что, впрочем, соотносимо и с биографией других представителей малочисленных народов, именуемых «северянами», хотя на юге Дальнего Востока растет виноград и грецкий орех, для Киле это пушкинский «полуденный край».) Это связано с гибелью мира детства: «Все беды и бедствия российских деревень, что мучало и мучает нас по сей день, я увидел там воочию – и растерялся, еще не сознавая, до какой степени тема распада и декаданса еще тогда проникла в мою душу, чем буду мучаться еще долго-долго»¹. Модель «Хемингуэя в Африке» (или точнее было бы вспомнить Г. Торо – «Уолден, или Домик в лесу», но, похоже, Киле с ним не знаком) – писателя с удочкой (тот же Хемингуэй и страстно рыбачил, но это почему-то «выпало» из рефлексии П. Киле) – осталась нереализованной. «Поэзия жизни, что влекла меня на родину, отлетела. Я увидел вокруг то же пьянство, неразбериху, непостижимо странную жизнь людей по задворкам цивилизации и культуры, в общем, все то, что наблюдал невольно и по закоулкам Ленинграда»². По сути дела, отказ от национального связан для Петра Киле не только с приобщением к великой культуре, но и прежде всего с гибелью малой родины, произошедшей еще в начале 1960-х годов. Есть и еще один любопытный момент: у детей народов Севера, которых «по разнарядке» присылали в Ленинград и в интернате готовили для поступления в пединститут, вместо иностранного языка был родной язык (на котором позже им предстояло преподавать), что автоматически закрывало для них все пути, кроме Института народов Севера. Запретный плод сладок, отсюда и бунт против нанайского, который был альтернативой английскому.

Петр Киле увернулся от проторенного в 1930-е – 1950-е годы пути – попадания под заботу лингвистов Института народов Севера, побуждавших студентов писать на родном языке и тем самым создавать литературный язык для своего народа. Он формировался уже в культуре, где максимальной задачей

¹ Киле П. Молодые годы. Любовь и невзгоды. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Journal2/847/965/>. Дата обращения – 18.04.12. Здесь и далее во всех цитатах принципиально сохранены авторские орфография и пунктуация; цитируются фрагменты с возможными стилистическими погрешностями.

² Там же.

было *сохранить* язык, что автоматически загоняло стремящихся к образованию людей в ловушку: язык становился слишком тесен для мысли, в нем не было форм для выражения новой реальности, которая влекла человека. Русский язык, бывший младописьменным в IX веке, с этой задачей в итоге справился, не в последнюю очередь и через би(поли)лингвизм писателей, ученых и др., заинтересованных в сотворении русского языка как «великого и могучего». Петр Киле убеждает своего читателя, что «уже обучаясь по нанайскому букварю, я знал русский язык как родной. У меня два родных языка. Я не помню себя, когда бы я думал нанайскими словами, вероятно, со школьных лет я думаю по-русски, что было естественно»¹. Двойственность стратегии СССР и здесь делала свое дело: «У нас было радио. По нему звучала русская речь, музыка, русская песня. Это мои колыбельные песни, какие я слышал с первыми звуками голоса моей матери. Она, конечно, разговаривала со мной по-нанайски, и тут же в унисон с ее речью я ловил бессознательно, как всякий ребенок, речь другой тональности»². Фоновая повседневная культура, язык исключительно русские, и даже голос матери (рано умершей от туберкулеза, отец погиб на войне) едва пробивается сквозь них – очень символическая зарисовка. При этом и в 1950-е, и в 1970-е годы, и далее русским интеллигентным людям кажется, что «нерусский» пишет на своем языке (некоторым и до сих пор это кажется не то что возможным, но и само собой разумеющимся) – микросюжеты мемуаров, тогда как ситуация иная: глобализация и индустриализация для малочисленных народов начались намного раньше.

Как писателю в вынужденной «вакуумной упаковке», Петру Киле свойственна рефлексия о своей аудитории, попытка определиться с типом своего читателя и адресатом своего творчества: для кого он пишет. Таких типов несколько: 1) конгениальный друг, полностью автора понимающий, разделяющий его взгляды и работающий в том же русле на своем поприще, в надежде на встречу с ним автор и творит; 2) просвещенная публика, исповедующая отчасти ложные идеи, являющаяся жертвой ложной идеологии, заблуждений; ей нужно помочь с поиском и обретением истины, направить, объяснить, убедить в своей правоте, просветить; с этим читателем автор ведет диалог; 3) школьник, пишущий «реферат» на заданную тему; творения Петра Киле не только могут помочь ему, но и открыть попутно много нового: обучить, просветить, заинтересовать, не дать погрязнуть во мраке невежества, как его учителю (вторая группа) в тумане заблуждения. И, безусловно, Петр Киле мечтает встретиться со своим издателем-меценатом, который может быть рассмотрен как вариант читателя № 1. Как вариант его же можно рассматривать литературоведа / литературного критика, который оценит сделанное Петром Киле и напишет о нем: жалобы на «оскудение мысли», исчезновение литературной критики и разрушение литературного процесса у него постоянны. Для него писатель пробует себя в самых разных амплуа: и оригинального творца, и редактора журнала, и составителя сборников и антологий. Кроме этого, адресатом Петра Киле являются Прекрасные Дамы, которых волнует любовь и искусство,

¹ Киле П. Эпоха, в которую мы жили. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Journal2/847/960/> Дата обращения – 18.04.12.

² Там же.

соответственно его лирику и эссе цитируют на женских сайтах и он сам охотно цитирует материал женских блогов («истории любви» актеров, художников). Аудитория формируется также вокруг стержня кинематографа. Здесь есть свой мечтаемый идеальный читатель: продюсер, который заинтересуется его сценариями и даст им жизнь на экране (или пьесам на театральной сцене), – такой, насколько нам известно, пока не появился. Есть аудитория, которой интересно его мнение о фильмах (оригинальные или комментируемые рецензии). Вообще, поэтика кино занимает важное место в творческой рефлексии автора: о своей прозе он говорит: «романы, повести и новеллы стали претерпевать жанровые метаморфозы в русле поэтики современного кинематографа, что, видимо, естественно»; структура сайта должна напоминать о кино, например: «это как окна в эпоху Возрождения или кадры из фильма Ренессанс» – презентация раздела «Галерея», или отсылка к очень длинной китайской картине, которую на сайте гонконгского музея можно просмотреть в виде фильма¹; пишет киносценарии (невостребованные). Петр Киле стремится пропагандировать, декларировать то, что в его глазах ассоциируется с прогрессом, новизной – кино. С точки зрения последующих поколений это выглядит трогательно старомодно и архаично (да и предпочитает автор откровенно старые фильмы), но в том имеет и свою прелесть осколка времени на испытательном поле технологий. Любопытно, что в 1970-е годы П. Киле воспринимался как остро современный автор, новое поколение литераторов по сравнению с тем же Г. Ходжером (р. 1929, на 7 лет старше П. Киле), лауреатом Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, (1973) за трилогию «Амур широкий». Но сам он пишет, что никогда не мог читать современников, и определяет себя «классиком», как Пушкина и Гете – не в смысле литературной величины, а в смысле выражения античного мирозерцания, духа классической эпохи. Для читателя-современника он выглядит в лучшем случае анахронизмом.

Ситуация же реального общения Петра Киле с читателями выглядит грустно. Так, по его замыслу, интенсивное общение по темам русского Ренессанса должно было протекать на форуме. Но этот форум, созданный в 2009 году, абсолютно пуст – лишь приветствие от администратора². Показательно и то, что в сложной лабиринтоподобной структуре сайта на эту ссылку³ очень трудно выйти (через потоки заголовков архивов⁴). Не случайно аббревиатура ФТМ стала иметь и другую авторскую расшифровку: «форум твоих мечтаний», – мечтатели обречены на одиночество. Мечты о творческих вечерах также не очень сбываются – это в итоге лишь виртуальные вечера автора с очень ред-

¹ Китай. Картина IX–XII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/33/1133/1250/> Дата обращения – 18.04.12.

² Форум творческой молодежи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/forum/index.php?www>. Дата обращения – 18.04.12.

³ Презентация Форума Творческой Молодежи. К открытию артистического кабаре ФТМ // Феномен. 2009. № 4 (12). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Phenomenon/912/913/> Дата обращения – 18.04.12.

⁴ Архив новостей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/News/?mode=archive>. Дата обращения – 18.04.12.

кими гостями (комментаторами в дневнике), поскольку в современной «Бродячей собаке» (кафе, арт-кабаре) спектакли и концерты проходят безотносительно Петра Киле (логичнее было бы создать отношения с небольшим музеем, чем с бизнес-проектом, рассчитанным на прибыль; что реально может Петр Киле? – приклеить листок со стихотворением ко входу и верить, что какой-то другой мечтатель успеет его заметить¹). В чем причина? В безнадежной устарелости представлений автора для тех, кого он в духе советской эпохи именуется творческой молодежью? «Это последнее поколение «родом из СССР», вкусившее все прелести свободы и всевозможного беспредела в условиях распада великой страны. Это потерянное поколение по мироощущению, как воспринимали свое время Лермонтов или Чехов, что не помешало им выстоять как творческие личности и художники. Это поколение еще не заявило о себе в высокой сфере литературы и искусства, да и затруднительно это сделать в нынешних условиях...»². Видимо, совсем постсоветские поколения для автора затерянные, не представимые, поскольку «молодость» логичнее было бы соотносить с двадцатилетними и младше. Или же в реальном отсутствии «интереса к великому»? Или в чем-то еще?

Поскольку Петр Киле тщательно отслеживает всю информацию о себе через поисковики, он вступает иногда в общение с теми людьми, которые проявили интерес к его текстам. Так, он пригласил на свой новый сайт читателя, которого в юности завораживала экзотика писателей «малых» народов («смычка между цивилизацией России и культурой гор, лесов, тайги») и которому удалось уже в наши дни обнаружить книжку Петра Киле³ и восхититься: «Мироощущение нанайца. Дикаря, застрявшего в непонятно какой эпохе. Чуть-чуть»⁴. Читатель был убежден в сохранении малыми народами аутентичного менталитета в ситуации безразличия власти, т.е. читательской глухоты и авторской немoty. Дальнейшего общения не состоялось: было интересно «дикарское» самосознание и радость от близости к нему («это же жуть как похоже на мое мироощущение»), а на сайте его поджидало жесточайшее разочарование – полный отказ автора от «дикарства». В то же состояние он ввел и юную журналистку, попытавшуюся взять интервью у «северного писателя»⁵.

¹ Вечера в «Бродячей собаке». Приглашение. (Комментарии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/2800855/post154346683/> Дата обращения – 18.04.12.

² Презентация Форума... Автор этой статьи с безмерным удивлением поняла, что относится к «потерянному поколению», «не заявившему о себе» в искусстве. Но вот – такая точка зрения есть.

³ В новосибирском Академгородке, «на буккросинге в ТЦ».

⁴ sergey_jimm. Прошлое и книги // sergey_jimm. Nallakzind [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sergey-jimm.livejournal.com/9950.html#comments>. Дата обращения – 18.04.12.

⁵ Несостоявшееся интервью // Феномен. 2009. № 1 (9). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Phenomenon/786/791/> Дата обращения – 13.04.12.

Петр Киле убежден: «Но сайт – это как мастерская художника, куда могут заходить посетители, по-настоящему всё должно быть обнаружено¹ и, главное, оценено и прежде всего специалистами, чтобы создания поэта стали явлениями культуры и всеобщим достоянием»². В соответствии с этой авторской концепцией мы и будем анализировать материалы его сайта.

Сайт писателя имеет сложную разветвленную структуру (и даже был отмечен за это наградами). Его основная концепция выражена в эпитафии, который виден всегда, при просмотре любого материала: «Эпоха Возрождения – это вершина, с которой мы обозреваем мировую культуру в развитии, с жизнью и творчеством знаменитых поэтов, художников, мыслителей, писателей, композиторов, с описанием выдающихся созданий искусства». Таким образом, задаются основные творческие установки и приоритеты автора: 1) на художественный синкретизм – все искусства и политическая / бытовая жизнь эпохи рассматриваются в их единстве, как целое; просвещенному человеку в равной степени интересны поэзия, живопись, музыка и т.п.; 2) на универсальность творческой личности, ее самореализацию не только в главном деле жизни, но и в других аспектах; 3) на единство процессов в мировой культуре и осмысление их в рамках оценочной шкалы, одновременно на «вершинность»: все, что представлено на сайте – это материал о подлинных вершинах искусства или (реже) критика вершин мнимых. Таким образом, и сам Петр Киле претендует на титанизм возрожденческой личности, – ведь он может охватить, осмыслить, представить аудитории это богатство. Он не только гид по эпохам и культурам и хранитель музея (хотя эти роли он на себя берет), но и один из демиургов, под пером которого оживает прошлое. В наш век «смерти автора» и релятивизма ценностей сама по себе эта позиция может вызывать в качестве первой реакции некоторое недоумение или отторжение случайного реципиента.

Сайт существует с марта 2007 года (5 лет).

Горизонтальная строка меню, через которую открывается доступ ко всем авторским материалам, носит название «килениум», что через автоматическую ассоциацию «миллениум» также задает образ автора как творца, претендующего на всеохватность и сверхзначимость. Пунктов меню несколько: новости; города мира, природа, дневник писателя; проза; лирика; поэмы; приложения; ФТМ_Бродячая_собака (при открытии появляется ссылка на переход к авторскому дневнику); галерея («Галерея картин всех всермен³ и народов»); контакт-

¹ Любопытная опечатка, смыкающая «народ» и «радовать» – обнаруживать на радость народу.

² Несостоявшееся интервью.

³ Тоже очень любопытная опечатка вместо «времен» – подчеркивает значимость для автора семьи «все», стремление к ренессансной всеохватности. Правда, пока список таков: Моне, Репин, Васнецов, Бенуа, Леонардо да Винчи, Пикассо, галерея Уффици. (Плюс к этому три ссылки сверху на собрания русской живописи.) Ради справедливости отметим, что вообще материалов о живописи на сайте в десятки раз больше, просто в других разделах. Также не реализованы здесь мечты об оригинальной эссеистике. Это недостроенное, полузаброшенное пространство сайта, его периферия.

ты (вынесено из поля зрения и становится видимым при использовании горизонтальной прокрутки).

По боковым ссылкам слева можно ознакомиться и с авторскими материалами на общие темы культуры и мирового искусства, и с материалами сайтов, близких по духу автору: «Человек в истории и культуре» (<http://top-antropos.com/>), «Энциклопедия искусства» (<http://www.artprojekt.ru/>) и др.; блогеров (<http://www.liveinternet.ru/>). П. Киле публикует не только собственные материалы, но и подборки, понравившиеся ему на других сайтах. В основном это относится к иллюстрациям и экранизациям какого-либо сюжета или произведения. Справа – «новости» сайта, а точнее, материалы альманаха «Феномен», обновляющиеся по мере создания, т.е. самое свежее сверху. Постепенно, за три месяца получается полный журнальный блок статей, который идет в «архив», полностью доступный.

Коммерческая составляющая сайта ненавязчива, часть представлена на периферии невидимым шрифтом, часть доступна после многократного перехода по ссылкам, как закоулки лабиринта. В каталоге «Яндекса» сайт занимает 129 строку в меню «Рубрики / Культура / Универсальное» с рейтингом цитируемости 100¹. В нижней части сайта счетчики, знаки авторских прав и адрес электронной почты автора, который он не скрывает, надеясь на общение.

Интернет задает и специфический лейтмотив творчества: многие тексты начинаются со слов: «участились поисковые запросы...». Поиск материала по теме становится творческим импульсом и стимулом для автора. Впору создавать исследование о роли поисковика в современной словесности.

Основной принцип размещения собственно авторского материала на сайте – представить его как непрерывно становящийся процесс творчества: тексты перетекают один в другой, часто дублируют друг друга под разными заголовками и в разных жанрах, продолжают один другой и «разговаривают» друг с другом. На один и тот же текст можно выйти по разным ссылкам. Это вызывает двойственный эффект: с одной стороны, возникает некоторое раздражение при встрече со знакомым текстом во второй-третьей-четвертый-... раз (под разными названиями в разных разделах); с другой стороны, видишь авторскую непрестанную работу и заботу о каком-то сюжете, найденных словесных формулах, рожденных образах, – и это поневоле заставляет задуматься об их смысле и значимости. Если в пору печатных публикаций Петр Киле перерабатывал тексты годами, мог перечеркнуть сделанное, потому что не получилось с его точки зрения, то теперь он может представить весь свой творческий процесс в режиме реального времени, как становление. Поиск различий между «новым» (в очередной «презентации») и старым (1 – 20-летней давности) подчас может выглядеть как задача для квалифицированного текстолога. Но все эти трансформации, новые комбинации и компиляции отражают движение авторской мысли. Такой стандартный для электронных информационных ресурсов раздел как «Новости» в данном случае работает на поддержание того же эффекта непрерывной писательской работы автора. Авторский журнал (альманах) «Феномен» тоже символизирует собой живое и непрекращающееся течение

¹ Наивысший рейтинг – 3100 – по этой шкале у сайта «OpenSpace.ru» – о культуре в России и за рубежом (новости, новинки, новые материалы).

ние творческого процесса, мысли, читательской рефлексии, внимания к современной культуре.

Петр Киле выступает не только как поэт, прозаик, драматург, эстет, но и как публицист, и позиция его не может не вызывать уважения, несмотря на все странности и несогласие с автором по ряду вопросов и убеждениям. Вот здесь он действительно выступает как одинокий рыцарь, пытающийся рассеять тьму невежества, которая хлынула на людей из «зомбоящика» и прочих СМИ. Казалось бы, зачем относиться серьезно к мистическим фильмам по ТВЗ, где «эксперты» – шаманы, маги и прочие? Но они не просто переписывают, но выдумывают историю, и на какие-то неокрепшие умы это может воздействовать. Человек, осознающий истинную ценность этих фильмов, просто и не подходит к телевизору. Петр Киле берет на себя труд разобрать по полочкам нелепости, подтасовки, измышления создателей «откровений» (раздел «Приложения», блок «Критика. Отзывы и комментарии», статьи «Тайные знаки», «История России в кривом зеркале магии»). Поскольку Россия воплощает для него Ренессанс, ее судьба вызывает у него искреннюю боль и заботу, хотя многие его взгляды одиозны, и разделить их может не каждый. Принадлежность нанайскому этносу обусловила его истовый советизм, ленинизм и сталинизм. Понятно, что все негативное, связанное с революцией, затронуло и малые народы, но в сознании тех, чья молодость пришлась на 1950-е – 1970-е годы, остались и достижения советской власти: письменность, возможность учиться, получить образование, работу, жилье в Ленинграде – прикоснуться ко всем достижениям мировой культуры независимо от наличия денег и связей. Для нанайского ребенка в современной России путь, совершенный П. Киле, может быть невозможен. А безразличие и негатив, сменившие официально поощряемую заботу о культуре малых народов были восприняты им как общая антирусская политика РФ, как геноцид русского народа в целом (в который, по мнению П. Киле входят прочие этносы России).

Здесь мы рассмотрим только не собственно художественную составляющую сайта: разделы «Города мира...» и «Приложения».

Петр Киле – писатель, судя по всему никогда не бывавший за границей (как и Пушкин, Булгаков, с Мастером которого он себя отождествляет). Помимо Петербурга, Москвы и родных мест (сельских), остальную Россию он видел из окна поезда до Хабаровска, что с одной стороны, позволило ему говорить о том, что он ее видел всю, знает и любит, а с другой – не вызвало потребности посещать какие-то российские места специально. Очень любопытен его рассказ о восприятии «Евгения Онегина» (к вопросу адаптации русской классики на инациональной почве): «деревню, где скучал Евгений», он представлял как свое родное село, и Пушкин органично входил в его сознание. Вместе с тем Петр Киле обладает замечательной особенностью, свойственной многим поэтам и писателям XX века, воспринимать город как текст, «читать» город, гуляя. «Я слишком много часов, дней, лет провел тэт-а-тэт с городом, чтобы он не вошел в мое творчество, наполнив его устремлениями, породив-

шими его, ныне осознанными как ренессансные»¹. Это порождает не только *странные встречи в Петербурге* как основные сюжетные ситуации его прозы, но и внимание к описаниям городов, где он «не будет никогда», но в которых сосредоточена мировая культура. И тем примечательнее, что он не отделяет их от описания сложных природных объектов: Севилья – Облака – Цветы Эллады – Озеро Байкал – Париж. Площадь Согласия – Брюссель – Река Амазонка – Путешествие в Нью-Йорк... и т.д., – так выглядит содержание раздела, вплоть до снимков планеты из космоса. Здесь опять же *всеобъемлющий* взгляд. Наше время позволяет увидеть весь мир, не отходя от монитора, новая версия «сентиментального путешествия» в пределах одной комнаты. Эта «всемирность» отразится и в художественных текстах Киле постсоветского периода, герои которых покинут Санкт-Петербург.

Похожее содержание и у следующего блока раздела – «Дневник Li.ru», где собрано «всё самое интересное из Дневников LiveInternet – цитаты, сообщения», но с большим вниманием к деталям, а помимо пространств как объекты внимания фигурируют также картины и люди. Это своеобразная мозаика мира, виртуальная коллекция музеев. Петр Киле показывает, что советское «хочу все знать» должно быть писательской установкой, нормой. Искусство синкретично для творческой личности, все феномены мира плавно перетекают друг в друга.

Два других блока – «Дневник писателя» и «Дневник дерзаний и тревог» заслуживают самостоятельного исследования, как феномен творческой рефлексии.

Необычайно интересный (и, к сожалению, очень краткий) текст содержит завершающий раздел – «Notes»: «Из записных книжек». Это несколько записей, датированных 1968 годом – о прочитанных книгах и о собственной литературной работе. Содержится здесь и очень важная информация для разрешения загадки ухода от нанайского: «Может быть, я потому потерпел фиаско с этим годом, что писал на нанайскую тему. Та жизнь затягивает, как болото, – масса ощущений, масса мыслей, масса картин, – жизнь, а искусства нет. (Нет формы?)». Фундаментальная проблема соотношения искусства и «жизни» в произведении всегда волновала П. Киле и решалась им для себя в пользу искусства: искусство важнее всего, а жизнь должна ему соответствовать. Более того, книги, совершенные с точки зрения искусства, но с неприятной ему жизнью, отбраковывались им («Анна Каренина», Пруст, Фолкнер и др.). С таким подходом, «этническое», сколь бы близко в быту оно ему ни было (рыба как основная нанайская пища и др. – оно проговаривается, сквозит в записях документального характера), неизбежно вытеснялось как то, чему не было аналогов в великом искусстве и что, соответственно, искусством не могло стать, несмотря на титанические усилия. Детское, родное осталось дорогой какой-то глубине природы жизнью, по возможности (до невозможности) опосредованной великими образцами (античность, русская классика и др.), но должно было

¹ Город юности моей, первые опыты, модернизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Journal2/847/966/> Дата обращения – 18.04.12.

уйти во имя подчиняющей жизнь идеи. Трагическое заблуждение автора? Возможно. Эта проблема требует дальнейшего исследования и проработки.

Вот еще один пример борьбы искусства и жизни: «Была и другая причина («фиаско». – М.Б.), ты знаешь. Это – не свойственная русской литературе и мне обнаженность, которую я хотел осуществлять в отношениях мужчин и женщин, тем хуже и ошибочнее – в отношениях подростков. Декаданс. Во мне это есть, это несомненно. Это не страшно. Но с ним нужно сознательно бороться». Как мы замечаем по позднему творчеству Петра Киле, он не только перестал с этим бороться, но и стал всячески культивировать, что дает эффект подчас вплоть до ошарашивающего скабрёзностью. Но есть образец для подражания, «оправдание» сильнее «русской классики», авторитетной для него в 1960-е – классика европейская: «Декамерон» Боккаччо, лирика Возрождения и др. Здесь, в отличие от «нанайскости», была найдена модель искусства, и целомудрие перестало определять для него качество прозы и поэзии.

Раздел «Приложения» состоит из четырех блоков: «Истории любви и творений», «Сокровища женщин. Стихи и эссе о женской красоте и любви», «Вопросы – ответы» и «Критика. Отзывы и комментарии». Завершает раздел эссе «Анджелина Джоли и Брэд Питт», которое по логике относится к первому блоку, но почему-то размещено в конце. Впрочем, при открытии всплывает жанр – «киноюморески» – видимо, перед нами задел нового, пятого блока. История Роми Шнайдер откровенно трагическая, а Софи Лорен драматическая, хотя если бы добавить материалы о борьбе с раком Джоли, все было бы не так весело. Кроме того, только эссе о Джоли – авторское, о Шнайдер и Лорен – цитация. Сайт «Эпоха Возрождения» содержит существенно меньшее количество материалов о любовных историях актеров, чем авторский блог («Дневник ФТМ Бродячая собака»), видимо, отбор идет по красоте и мировой признанности персонажей. Примечание о красоте героини, несмотря на ее 34, 35, 39... 70 лет, является постоянным рефреном этих записей.

Эссе о Джоли примечательно одной специфической чертой поэтики Киле: автору свойственны также приемы сближения со своими персонажами через прием названия их уменьшительными именами, что несколько шокирует, если воспринимать это как фамильярность, но является скорее выражением отеческой нежности к герою автора, чем проявлением панибратства (по менталитету П. Киле принадлежит патриархальной культуре общины, сам он сейчас в возрасте и статусе (по своему представлению о мире) патриарха, как когда-то был «инфантильным индивидом»). Так, Шекспира он именует устойчиво только Уиллом, а Анджелину Джоли – Энджи и Эйнджи.

Блок «Критика» по первому впечатлению напоминает «свалку» по единственному объединяющему принципу – не художественное. Начинается он с двух отзывов о ранней прозе самого Петра Киле, продолжается двумя отзывами автора на псевдоисторические телефильмы, затем следуют два тщетных взывания к власти академиков РАН (тема мракобесия усугубляется), далее неожиданно вклинивается статья И. Кудровой о Марине Цветаевой с идеей о том, что обыватель не имеет права судить великого Поэта с его оригинальным пониманием любви по себе (т.е. муссировать идеи распущенности, хотя волновала П. Киле именно интерпретация женской любви, которой он и сам уделяет немало внимания), тему углубляет перепечатка статьи «Информаци-

онная война России и США», где тот же тезис о планомерном моральном разращении русского народа с целью его уничтожения развит на другом уровне – политики и истории. Далее, в гуще, прячется «Петр Киле. Биография», где автор рассказывает о себе в третьем лице и с опорой на автобиографизм собственной прозы. Здесь декларируется осознание себя как «классика» (не романтика, несмотря на конфликт со временем и выпадение из него), живущего в «трагическую эпоху» и одновременно «дитя нового мира», проросшего «сквозь многовековую толщу мировой культуры», соответственно классик творит в жанрах классической трагедии etc., а собственная поэма «Аристей» возводит им не менее чем к «Фаусту» по жанру; его произведения не изданы по причине глобальной катастрофы – распада СССР.

Для исследования мифологизма творчества Киле интересны его высказывания о собственном провидении в сфере мифологии. «И не было ощущения глуши у него, что связано, видимо, с особой его восприимчивостью с раннего детства, с его снами о древности, когда водились динозавры, с его полетами в глубинах Вселенной, с ощущением верховного существа в небе в ясный день, с явлением там богов и богинь Греции... И это в маленькой деревушке с нанайским населением, в которой жили еще три одиноких китайца и семья пекаря, русская семья: в первой росла девушка, во второй, приехавшей позже, мальчик, вошедшие навсегда в его жизнь»¹. Не будем обращать внимание на некую словесную подмену в синтаксической структуре последнего предложения, хотя она затрудняет восприятие. По нормам стилистики русского языка должно было бы быть что-то вроде «и ...русская семья: в ней росла девушка, в другой, приехавшей позже...»: иначе нарушены логические и временные связи – повествуется о настоящем, где одна семья, и вдруг она оказывается первой, одной из двух. Именно для мифологического или глубоко мифологизированного сознания подобные неувязки и перетекания одной описываемой реальности в другую, наложение времен не имеют значения, не осознаются им. Важнее подмена другая – маленький нанайский мальчик (дед по отцу – китаец), культуру которому несет Москва через радио («и по громкоговорителю у рыбацких складов звучит музыка, говорит Москва»), видит именно греческих богов, отрицая возможность иных, знакомых по рассказам дедушек и бабушек, например. Любопытно было бы поискать связь с нанайским фольклором классической древности Греции в интерпретации Петра Киле, что должно стать задачей новых работ. В другом месте можно узнать, что переработка для детей мифов Н. Куна², попавшая к нему в школе, стала прочно ассоциироваться у него с искусством как таковым, с прекрасным, тогда как своя мифология пугала, как жизнь, внутри которой он пребывал. Миф для П. Киле – главная ценность в искусстве, но это светлый античный миф, а не открыто нанайский. Ода мифу: «“Война и мир” – вот вам миф! Высочайшая поэзия действительности, широчайшая историческая реальность, все здесь здоровое и гармоничное, как

¹ Петр Киле. Биография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Supplement/723/838/> Дата обращения – 18.04.12.

² Киле, идеализируя советскую эпоху, считает, что книга Куна переиздается с 1930-х годов, тогда как на самом деле она была написана в другую эпоху – в 1914 году.

и должно быть в мифе. Миф по своей природе не знает ни рефлексии, ни разнужданности человеческих страстей, ни односторонности идеологических пристрастий»¹.

Настоящая биография – подробная, увлекательная, созданная в 2005–2007 годах – прячется в другом месте: в блоке «Дневник дерзаний и тревог» в меню «Города мира, природа. Дневник писателя». Эта биография тоже подана читателю как материал для переработки в будущее произведение – «Письма потомкам». Такой заголовок тоже четко свидетельствует о восприятии автором себя как патриарха и великой фигуры, значимой для будущих поколений.

Возвращаемся к анализу блока «Критика»: далее следует эссе «Победа под Полтавой», по большей части состоящее из двух сцен его трагедии «Державный мастер». Стратегия популяризации собственного творчества, избранная Киле, заключается в обязательном использовании его при всяком удобном случае в качестве собственного комментария к событиям – жанр, порожденный интернетом, где любой информационный повод лишь ядро (или импульс) комментариев, где каждый стремится заявить о своей точке зрения. Комментарий в академическом смысле, как объяснение заменен в интернет-словесности на «комментарий» как самовыражение и заявку на собственную значительность, и эта замена выходит в более широкое пространство, чем сетевое.

Следующая статья – Л.А. Булавка, «Ренессанс и Советская культура» – доказывает любимые мысли П. Киле о единстве социализма и Ренессанса. Далее снова авторский комментарий-статья об ужасах дня сегодняшнего («Солнечный ад-2»). Потом неожиданно – «музыкальная пауза» (причем именно в форме ссылок на видео, 3 материала; удивляет четвертый, авторский – «Неизвестный Дягилев»: при полном неприятии П. Киле гомосексуализма и борьбе за доказательства гетеросексуальности Шекспира он излагает канву личной жизни Дягилева с участием и намекает на ее положительную роль в судьбе русского балета²). Затем снова политика, на сей раз внешняя, устами Н. Леонова, с вставкой «Forbes о красоте русских девушек», как будто формат телевизионного вещания с чередованием «политики» и «глянца» оказывает влияние на композицию раздела. Далее следуют статьи разных авторов сталинистского характера, но тоже – разъяснительного, убеждающего, чем в СССР было лучше. И в завершение интервью с французским философом левых взглядов А. Бадью «Бог умер уже давно, хотя многие об этом до сих пор не знают...», где все те же близкие П. Киле мысли: «шедевры искусства могут быть важнее, чем шедевры философии»³, об античной мифологии – «все это является хранилищем примечательных форм, которые люди придали своим ныне забытым верованиям, эти формы мы можем использовать применительно к нашим собственным идеям»⁴. Любопытный момент – ряд материалов оказы-

¹ Город юности моей...

² Будем надеяться, что материал не привлечет внимания властей г. Петербурга.

³ Ален Бадью «Бог умер уже давно, хотя многие об этом до сих пор не знают...». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renclassic.ru/Ru/Supplement/723/1378/> Дата обращения – 18.04.12.

⁴ Там же.

вается близким П. Киле не только по идеям, но и по стилю – как будто писал он сам, при том что манеру письма Киле нельзя обозначить «безликой». Сказывается унифицирующее и универсализирующее (и деформирующее) влияние общего интернет-пространства (космоса), где рождаются и живут все эти тексты, – а они уже, преимущественно, в нем и для него создаются, а не сканируются с бумажных изданий.

Блок «Вопросы – ответы», серединный, состоит из 23 эссе на общие темы культуры и политики (истории), заглавие которых представляет вопрос, а сам текст – ответ на него. Здесь автор обращается к своим любимым темам и сюжетам, уже не раз разработанным, но обретшим четкую форму «ответа». Эта позиция – писателя, дающего ответы, знающего ответы, тоже очень показательна.

Блок «Сокровища женщин. Стихи и эссе о женской красоте и любви» отчасти смущает своим названием, отсылающим к дискурсу эротическому (ср.: «нескромные сокровища»), но должному знаменовать вершинные образцы искусства. Петр Киле решил пойти здесь по пути художественного и жанрового синкретизма, соединив в единое и неразрывное целое размышления об эстетике и лирику. Получается действительно уникальная галерея образов, где вместе сосуществуют античные нимфы и гетеры, Элизабет Тейлор и «Мисс Вселенная», Анна Павлова и Елизавета Петровна и т.п., а также образы лирики Фета, Лермонтова и др. По-своему, это действительно любопытный виртуальный альбом (электронная книга), не только как нечто эклектичное в ракурсе неожиданных сближений, но и своей открытой и одновременно с импульсом захватывания и втягивания в себя структурой, позволяющей уместить в единое и компактное (за счет сходств и сближений, наложений) целое многое из существующей (суб)культуры и истории культуры.

Структура выпуска альманаха «Феномен» определяется следующими принципами: статья(-и) о политике – авторские новые произведения – авторские лирические произведения – материал из блогов о городах мира – материал о культуре / литературе прошедших столетий – материал о женской красоте (фотографии актрис, моделей) – материал о живописи или музыке – рецензия на фильм – юмор или «ЖЗЛ» (на те же темы). Пропорции не строго выверены: где-то может преобладать политика, где-то – авторские произведения, где-то – «женская красота». Но основные ориентиры остаются неизменными. Альманах – просветительский (в эпоху поглощающей тьмы невежества), только о прекрасном и красивом (в эпоху «чернухи», культ уродливого), с образцами критической мысли (в эпоху распада и отсутствия критической мысли). Это убеждения Петра Киле, и он их отстаивает.

Мы рассмотрели некоторые особенности авторской саморепрезентации в творчестве Петра Киле, как писателя, оказавшегося в характерной ситуации в постсоветской России и нашедшего характерный выход в вынужденной включенности из литературного процесса – в сетевую словесность. В следующей статье речь пойдет о собственно художественных произведениях Петра Киле: их поэтике (жанровой системе, сюжетике, мотивной структуре, литературной традиции) и стратегиях авторско-читательского взаимодействия.